

Год 1941, июнь 22...

Фашистская Германия вероломно напала на нашу страну.

В этот день, несмотря на воскресенье, в Осташёвскую школу пришли без приглашения все ученики.

Началось школьное собрание. Лица у ребят серьёзны, суровы: у многих отцы ушли уже на призывные пункты.

«Сразу как-то повзрослели», – думает директор школы Иван Николаевич Назаров, глядя на собравшихся.

Сдерживая волнение, он начинает говорить:

– Ребята! Юные друзья мои!.. На землю нашей Родины пришёл враг, страшный враг, фашист... Отцы ваши идут защищать вас, наше государство. Вы остаётесь дома за старших. Не бойтесь трудностей. Будьте сильными, смелыми, мужественными. Помогайте вашим матерям во всём. Будьте готовы к тяжёлым испытаниям...

Выступает ученик Толя Шумов.

– Ребята, я предлагаю отменить каникулы, – говорит он. – Сегодня мы поможем военкомату разнести по домам повестки... А завтра пойдём со старшими строить военную дорогу.

– Правильно.

– Согласны.

Ребята поднимают руки. Они принимают первое в своей жизни важное решение.

Каждое утро вместе со своими друзьями – Витей Вишняковым, Володей Колядовым, Юрой Сухневым уходит Толя на строительство военной дороги. Домой возвращается усталый, неразговорчивый, осунувшийся.

«Трудно ему, – думает Евдокия Степановна, – ведь совсем ещё мальчишка».

Толя, словно угадывая ее мысли, говорит:

– Ничего, мама. Я уже привык. Сначала было трудно. Не только мне – всем ребятам. Теперь ничего. Привыкаем.

Однажды Евдокия Степановна увидела его в саду. Толя стоял около своих цветов, о чём-то задумался...

– Поливал? – спросила она.

– Зачем? Не до цветов сейчас.

– Для цветов всегда должно быть время.

Толя внимательно посмотрел на мать.

* * *

Возвращаясь как-то с работы, Толя узнал, что при военкомате организуется добровольческий истребительный батальон и что начальником штаба назначен директор школы Иван Николаевич Назаров. Рассказал об этом ребятам.

– Нам нужно записаться туда. Запишут, как вы думаете? – спросил Толя.

– Я уже говорил Ивану Николаевичу, – ответил Володя. – Он сказал, что поможет нам, поговорит с командиром батальона.

Долго ещё разговаривали ребята в тот вечер.

Утром они пришли в военкомат, разыскали Ивана Николаевича и сдали свои заявления.

Занятия в истребительном батальоне проходили после работы.

Ребята учились стрелять из винтовки и пулемёта, бросать гранаты, маскироваться, ходить по компасу...

Фронт всё ближе и ближе подступал к Москве, шли тяжёлые бои.

Как-то, возвращаясь с военных занятий, Толя и Витя проходили мимо школы.

– Зайдём? – спросил Витя. Толя кивнул: «Зайдём».

Они поднялись на свой этаж, вошли в свой класс. Всё напоминало войну: бумажные кресты на окнах, плакаты на стенах, маскировочные шторы из чёрной бумаги, указатели в бомбоубежище...

Дребезжали стёкла. Недалеко от Осташёва шли бои. Ударили в рельс. Воздушная тревога!

– Не пойдём никуда. Здесь переждём, – шепнул Витя.

Толя прислушался к гулу самолётов.

– Вить! Давай дадим друг другу клятву!

– Давай! Пиши!

Толя сел за парту и стал писать:

«Мы будем защищать свою Родину от фашистов до последней капли крови. Если кто из нас попадётся в руки врагов, даже смерть не заставит нас выдать друг друга и своих товарищей. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами. Виктор Вишняков, Анатолий Шумов».

* * *

Нежданные октябрьские морозы. Ухают орудийные залпы. Истребительный батальон обороняет левый берег реки Рузы. Среди бойцов Толя Шумов, Витя Вишняков, Володя Колядов и Юра Сухнев. В случае отступления батальона им разрешено уйти в лес к Ивану Николаевичу Назарову. Он назначен командиром партизанского отряда.

Двое суток мужественно обороняется батальон. Но вот стрельба на время стихает, и показываются фашистские танки. У бойцов кончаются боеприпасы, поступает приказ: отходить.

Ребята уходят в лес. Они идут долго, известными им одним тропами, перебираются через овраги и, наконец, попадают в расположение партизанского отряда. Их встречает Иван Николаевич Назаров. Он подробно расспрашивает ребят о боевом крещении.

Усталые, осунувшиеся, они отвечают сдержанно:

– Мы бы ещё продержались, но у нас гранаты кончились...

Толю Шумова зачисляют в разведчики. Витя остаётся связным в Осташёве.

* * *

По дороге медленно движется немецкая автоколонна: два грузовика с солдатами и большая цистерна с горючим. Заснеженный зимний лес тих и неподвижен. Да и кто в нём может быть в такой мороз? Один из солдат заметил на дереве белку и оживлённо что-то сказал другому. Оба рассмеялись.

И вдруг тишина словно лопнула. Ярким факелом занялась цистерна с горючим. Вопли раненых гитлеровцев смешались с выстрелами и взрывами гранат. Те, кто уцелел, выскакивали из машин и бросались в снег, стреляя наугад. Им казалось, что они окружены. Казалось, что их расстреливает насупившийся заснеженный русский лес.

Но вот всё затихло.

– Отходить! – раздалась негромкая команда.

Замерли последние шаги мстителей, лес укрыл партизан. А на дороге остались коченеть трупы фашистских солдат, догорали машины, исковерканные взрывами.

Радостные, оживлённые возвращались партизаны в лагерь.

Толя Шумов был взволнован так же, как и все, но старался не показывать вида. Это была его первая партизанская боевая операция.

В лагере ребят вызвал к себе командир. Он крепко пожал им руки:

– Молодцы!

Ребята смущённо улыбались. Хотелось многое сказать, но нужные слова не приходили...

– Ну что, Толя? – спросил Иван Николаевич.

Толя улыбнулся, пожал плечами:

– Что мне сказать. Главное – уничтожить фашистов.

Толе не раз приходилось ходить в разведку. Случалось, его задерживали, но всегда выручали находчивость, смекалка, хитрость.

На площади села Осташёво застрял немецкий грузовик. Фашистский офицер открыл дверцу и был готов уже вылезти из машины, как подбежал какой-то паренёк в лохмотьях, осторожно взял офицера за сапоги и занёс его ноги обратно в кабину. Затем проворно засунул под задние скаты поленья дров и закричал:

– Поехали!

Грузовик фыркая выбрался на твёрдую дорогу.

– Рус, рус, карашо! – высунулся офицер из кабины. – Рус, полезай в кузов!

В доме, где жил на постое фашист, паренёк растопил печь, поставил два ведра с водой, разыскал в доме корыто.

– Вам надо помыться, господин офицер, – вдруг сказал паренёк, – у вас вши.

– Что? – переспросил немец.

– Лаус, вошь, господин офицер.

– Ты знаешь по-немецки?

– Я знаю только одно слово – вошь.

– Баня готова, господин офицер.

– Вот как надо служить, дурак, – сказал офицер своему денщику.

Паренёк намылил офицеру голову. Затем позвал денщика, всунул ему в руки кувшин с горячей водой, мыло, мочалку.

– Давай помогай!..

Пока два фашиста занимались баней, паренёк выскользнул в соседнюю комнату, снял висевшую на стуле полевую сумку с документами, спрятал за пазуху лежавший на столе пистолет, прихватил планшет с картой и вышел в сени.

В сенях стояло старое удилице. Он взял его и вошёл в комнату, где мылся офицер.

– Пойду на реку за рыбой.

– А ты не убежишь?

– Хайль Гитлер! – крикнул в ответ паренёк.

– Хайль Гитлер! – восторженно заорал сидевший в корыте офицер.

У реки паренёк поймал беспризорного коня, перебрался на другой берег и исчез в лесу.

Из гильзы снаряда сделана керосиновая лампа. Огонь освещает лица партизанских вожаков: секретаря подпольного райкома партии Алексея Ивановича Бормотова, командира отряда Ивана Николаевича Назарова, комиссара Ивана Никитича Еранова.

В землянке держат совет.

– Шумову удалось провести фашистского офицера. Доставленные документы представляют большую ценность для нашего командования, – докладывает Назаров. – Случай с баней дошёл до местного населения. Народ в деревне радуется, как партизаны провели фашистов. Но этот случай всполошил немецкий штаб. Повсюду усилена охрана. В Каменках обозлённые фашисты расстреляли наших военнопленных и во всех деревнях повесили объявления, что они уничтожили партизан.

– Товарищ командир, разрешите? – обратился Толя к Назарову. – А что если наши листовки наклеить на немецкие объявления? Пусть в деревнях знают, что партизаны есть.

– Поэтому мы и вызвали тебя, – сказал Бормотов. – Листовки уже отпечатаны. Держи пачку.

Толя пробежал глазами текст: «Мы здесь с вами, дорогие, родные братья и сёстры! Мы никогда никуда не уйдём. Мы с вами вместе будем бороться до победы над фашистскими насильниками. Никакой пощады врагу!..»

– Здорово! – сказал Толя. – Разрешите выполнять?

* * *

От одной деревни к другой шёл партизан.

Толя заходил в дома, где были свои люди, передавал им листовки.

И то там, то здесь останавливаются люди у заборов, столбов и с радостью читают: «Мы здесь с вами, дорогие, родные братья и сестры. Мы никогда никуда не уйдём...»

Уже почти все листовки разнёс Толя. Осталось совсем немного.

Юный партизан вышел на тропинку, ведущую к шоссе на Осташёво.

Вдруг до него донёсся шум моторов.

Шум приближался.

Толя отполз в сторону от тропинки в кусты, зарылся в снег и стал наблюдать.

Его внимание привлеклидвигающиеся по шоссе танки. Таких он ещё не видел.

Танки двигались тяжело. Толя заметил, что они будто вышли из ворот завода, – нигде ни одной царапины на броне.

Впереди танков ехала машина с офицерами. За танками двигались грузовики, крытые брезентом. Из-под брезента выглядывали солдаты.

«Наверное, охрана, – подумал Толя. – Как бы посмотреть поближе?»

За поворотом шоссе был мост через реку.

Колонна остановилась.

Толя пополз в ложбинку, что была ближе к реке. Продолжал наблюдать.

Офицер у головной машины что-то выкрикнул. С грузовиков соскочили солдаты и бросились к мосту.

Толя обратил внимание, что солдаты в новом обмундировании, с новенькими карабинами. Кое-кто держал в руках миноискатели.

«А что, если?..»

Толя осторожно двинулся в сторону, где стоял замыкающий колонну грузовик.

Из кабины вылез шофёр, начал бить ногами по скатам, проверять.

Толя появился у машины настолько неожиданно, что молоденький немец шофёр в ужасе закричал:

– Партизан! Хальт! (Стой!)

Но Толя бежать и не думал. Он не спеша подошёл к кабине. Сидевший в ней перепуганный офицер распахнул дверь и направил на Толю автомат. Шумов спокойно показал рукой, что хочет курить. Офицер выплюнул ему окурочок. Толя даже не нагнулся, он глянул на ноги офицера в новеньких сапогах. Они были закутаны соломой. Мгновенно сообразив, Толя обратился к офицеру:

– Вы же отморозите ноги!

Фашист ничего не понял. Тогда Толя показал на свои ноги, осторожно, чтобы не вывалились оставшиеся листовки, начал снимать валенки.

– Карашо! Карашо! – поняв, обрадованно закричал офицер. Толя подождал, пока фашист снимал свои сапоги и надевал валенки. Потом, показывая на свои ноги в носках, Толя кивнул на сапоги:

– Давай в обмен!

Фашист захохотал, грубо толкнул Толю в снег и захлопнул дверь. Надо было уходить. Толя сделал вид, что его обидели: плечи задрожали, он заплакал.

Довольный шофёр что-то кричал ему.

«Ничего, ничего, – думал Толя, – привезёшь листовочки, то-то будет».

Семь километров Шумов шёл по снегу. В отряд пришёл ночью. Обо всём, что видел и как снабдил фашиста партизанской литературой, Толя рассказал командиру.

Сведения о появлении новых видов танков были срочно переданы в Москву.

За дерзкую выходку с листовками Иван Николаевич поругал партизана. Это могло стоить жизни.

– Так нельзя рисковать, – говорил Назаров. – Нам каждый партизан дорог. Столько ещё дел предстоит. А ты...

Толя виновато косился на командира, но в глазах его играл озорной огонёк. Юный партизан видел, что Иван Николаевич доволен такой операцией.

Шумов ясно представлял себе, как фашист доставит листовки в свою часть и какой там будет переполох...

– Пусть знают, – горячился Толя, – что есть партизаны, всюду они. И не жить гадам на нашей земле!

– Ну, добре, партизан, добре! Получай новое задание. Поступаешь в распоряжение командира партизанского отряда Василия Фёдоровича Проскунина.

– Почему к Проскунину?

– Бойцы не спрашивают. Такое задание. Запрос на тебя пришёл. Сам бы не пустил тебя, да ты Проскунину нужен. Кстати, мать там увидишь. Небось соскучился?..

И вот Толя в отряде Проскунина.

Новое задание.

Евдокия Степановна, провожая, просит сына:

– Будь осторожен.

– Ну что ты, мама. Не беспокойся. Всё будет хорошо.

И он уходит с группой партизан минировать дороги, взрывать склады боеприпасов, выводить из строя телефонную связь...

С нетерпением каждый раз ждёт его возвращения мать, волнуется: «Вдруг не вернётся... Вдруг что-нибудь случится...»

* * *

30 ноября 1941 года Толя ушёл в разведку в село Осташёво, где он должен был встретиться с разведчицей Шурой Вороновой. Ночью он постучал в дом к Вишняковым.

– Кто здесь? – спросил за дверью Витя Вишняков.

– Я, – ответил знакомый голос.

– Шум, уходи, – сказал Витя. – Тебе нельзя быть в Осташёве, тебя ищет полицай Кириллин и целый отряд гестаповцев. У нас уже были.

– Витя, я не могу уйти, мне нужно переночевать.

– Толя, прошу для дела, уходи!

– Ладно, – соглашается Толя.

«Как быть? Уходить из села? Но задание?!»

Толя решил постучаться к Гордеевым. В сенях показалась мать Вовки Гордеева.

– Переночевать можно? Немцев нет?

Она пропустила Толю в сени.

– Вчера заходили полицаи, устроили попойку... Еле-еле убрались.

В избе пахло винным перегаром.

Женщина постелила Толе на печке. Спалось беспокойно. С улицы доносились выкрики немецких часовых, одиночные выстрелы...

Чуть рассвело, Толя ушёл из Осташёва.

Неожиданно на дороге показались сани. Когда сани приблизились, Толя увидел, что в них полицаи.

«Что делать? Бежать? – подумал Толя. – Убьют. По такому снегу не убежишь. До леса далеко»...

Сани остановились.

– Эй, ты! – крикнул один из них. – Ну-ка, подойди сюда!

Толя решил подойти.

– Куда идёшь?

– В деревню.

– Что ты там забыл?

– Я ищу мать.

– Привет, приятель, – Толя узнал голос полицая Кириллина, – садись, подвезём! Наконец-то сам пожаловал... – Кириллин пьяно рассмеялся. – Я за тобой уже месяц гонюсь. Устал ходить пешком? Садись! Садись, говорю!

Толя сел. Кириллин протянул ему вожжи и, усмехаясь, сказал: – Будь любезен, отвези сам себя в гестапо. А мы покараулим тебя.

* * *

За столом сидел тот офицер, у которого Толя выкрал полевую сумку и пистолет. От неожиданности Толя вздрогнул.

– А-а! Старые знакомые, – сказал немец, вставая из-за стола. – Я как раз хотел вернуть тебе небольшой должок.

Он ударил Толю кулаком наотмашь. Толя отлетел к двери, где его подхватили два здоровенных эсэсовца и швырнули обратно к столу.

Перед глазами Толи стоял туман, во рту появился солоноватый привкус крови. Как во сне доносились до него приторно-ласковые слова офицера:

– Ты нам всё расскажешь, и мы отпустим тебя...

Офицер кивнул стоящим у двери верзилам. На Толю обрушились удары. Он потерял сознание...

Когда это было? Давно-давно. Над селом появилась туча... Вокруг необыкновенно тихо... В саду сильно пахли цветы. Толя сидел у окна и ждал своих шмелей...

– Мама, как ты думаешь, прилетят мои шмели?

– Не знаю, Толя. Они могут спрятаться от дождя и в дупле...

Но едва упали первые капли дождя, три шмеля с тяжёлым гуденьем опустились на подоконник. А четвёртого не было. Но наконец и последний

шмель тяжело опустился на подоконник. Кто-то ему повредил крыло. Шмель-инвалид неуклюже полез в свой домик.

Толя высунулся из окна и подставил лицо дождю. «Как приятно».

Но нет, это не дождь. Это офицер плеснул ему в лицо водой.

– Какой упрямый мальчик, – сказал он, наклоняясь к Толе.

И вдруг жёстко:

– Фамилия?

Толя молчал.

– Шумов?

Молчание.

– Зачем шёл в Осташёво?

– Ищу мать.

– Врёшь! – заорал фашист.

Толя улыбнулся: «Ишь ты, гадина, правды захотел».

– Покажешь, где партизанский отряд, мы тебя отпустим. Ну, говори!

Толя молчал.

Страшный удар сбил его с ног.

– Ну, карашо! Ты у меня заговоришь! – офицер кивнул солдатам.

Солдаты стали засовывать под ногти иголки, а Толе казалось, что он неосторожно гладит ошестинившегося ёжика. Его однажды принесла мать из лесу.

– Ёжик? – обрадовался Толя.

– Он самый.

– Вот здорово! Он, наверное, голодный! Дадим ему молока, мама?

– Ну, конечно, дадим. Раз уж ты его взял, надо кормить и ухаживать за ним.

Толя подвинул блюдечко к лесному зверьку.

– Пей.

– Пей! – донёсся грубый голос офицера.

Толе разжимали рот кружкой.

– Мама, ёжик не пьёт...

– Не спеши. Дай ему сначала привыкнуть, – успокаивала Евдокия Степановна...

– Привык он к побоям, что ли? Хоть бы заплакал, – говорил чей-то чужой голос...

...Толя оглядел комнату. Сколько у него всякого богатства! Два забавных пушистых кролика. Ну и жадные, всё время что-то жуют. Привычка у них, что ли, такая?..

– Молчать – это привычка всех партизан, господин офицер, – сказал кто-то еле слышно голосом полица Кириллина.

...На подоконнике шмелиный домик. Шмели уже почти совсем ручные.

«Где они целый день пропадают? – думает Толя. – С цветка на цветок. А сколько цветов на свете? Можно и заблудиться».

– А ты цветы полил? – спрашивает Евдокия Степановна.

– Мама, как я могу забыть о цветах?

«Вот он какой у меня, – думает Евдокия Степановна. – Другие ребята без толку бегают по улицам, штаны рвут. А этот весь день с каким-нибудь цветком возится или шмелей кормит сахаром».

– Ну, что ты будешь делать со своими зверюшками, когда в школу пойдёшь?

– А я их подарю школе, – отвечает Толя.

Толя мучительно пытается вспомнить ещё что-нибудь из своего детства, но больше не может...

– Где партизаны?..

«Нет, никогда он не станет предавать... Нет... Нет...»

Его снова бьют.

В партизанском лагере тревога. Только что узнали об аресте Толи. «Выдержит ли мальчик?» – мысль, которая тревожит и командира и бойцов. Усиливаются посты...

«Если провалится хоть одна явка или начнутся аресты, значит, не выдержал».

В лагере тишина. Лес, занесённый снегом, не шелохнётся. Всё живое притаилось. Не слышно скрипа чужих шагов, не слышно чужого говора. Тишина. До боли в ушах прислушивается дозорный к лесной тишине.

Ни одна явка не провалилась. Ни один фашист не подошёл к партизанскому лагерю. Значит, не выдал партизан, значит, выдержал. Значит...

* * *

Неутешно горе матери. С поникшей головой сидит в землянке Евдокия Степановна.

Сняв шапки, стоят партизаны.

Минутой молчания чтят они подвиг юного героя.

* * *

За смелость и мужество, проявленные в борьбе с фашистами, партизанский разведчик Толя Шумов награждён посмертно орденом Ленина.

Имя юного партизана Толи Шумова занесено в Книгу почёта Московской областной пионерской организации им. В. И. Ленина.

Постановлением Совета Министров РСФСР одному из кораблей Советского флота присвоено имя Толи Шумова.

Публикуется по: Урланис, С. Толя Шумов. – М. : «Малыш», 1980.